О. А. Никонов

ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО КУРСА РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Работа предоставлена кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

Статья раскрывает специфику формирования внешней политики российской империи в отношении азиатских ханств и Персии в XIX в. Особое внимание уделено политическим проектам, направленным на завоевание превосходства России в юго-восточной части Каспийского моря. Автор считает, что к началу 40-х гг. XIX в. все мероприятия на внешней арене стали подчиняться долговременным планам империи в регионе.

Ключевые слова: *Астрабад, Бухара, гебры, Иомуды, торговля, Туркманчайский договор.*

O. Nikonov

FORMING OF THE RUSSIAN EAST COURSE IN FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

The article shows the specificity of forming of the Russian empire's foreign policy with the Asian khanates and Persia in the 19th century. Special attention is given to the political projects directed at the attainment of Russia's superiority in the southeast part of the Caspian Sea. The author considers that by the beginning of the 1840s all actions in the external arena were submitted to the long-term plans of the empire in the region.

Key words: *Astrabad, Bukhara, Gabrs, Iomuds, trade, Treaty of Turkmenchay.*

К началу XIX в. Россия накопила значительный опыт взаимоотношений с сопредельными странами Востока. Вместе с тем беспорядочная политика Павла I, разрушившая тенденцию поступательного продвижения в азиатском и персидском направлениях, оставили в кругах политической элиты страны заметный негативный осадок.

Восшествие на престол Александра I возродило надежду на продолжение петровского и екатерининского внешнеполитического курса. Манифест 1801 г. утверждал, что деловые отношения России со странами Азии приобретут особое значение. Серьезность намерений подтверждалась и назначением на пост Министра торговли графа Н. П. Румянцева, сторонника расширения российской экономической экспансии. Он считал, что Правительство должно стремиться устранить всякого рода препятствия в поиске новых рынков для сбыта отечественных товаров экспорта, а также активно содействовать увеличению русско-азиатского товарооборота. По словам Румянцева, «торговля безотлучная спутница тишины и изобилия, среди военных ополчений, изнемогала в силах» [13, л. 9].

Позиция правительства стала стимулом для появления различных проектов, направленных на завоевание Россией гегемонии в регионе Каспийского моря. В 1801 г. при императорском дворе распространилась докладная записка, поданная на высочайшее имя графом В. Зубовым. Ее появление симптоматично и хорошо иллюстрирует настроения, захватившие военных и дипломатов. Признавая коммерческие интересы империи в освоении природных богатств Востока, Зубов подчеркивал наличие фискальных целей го-

сударства. По его мнению, расширение торговли с этим регионом было единственным средством к удовлетворению нужд империи и к «соделанию жизни приятною» [3, л. 2].

Главная идея проекта сводилась к достижению индийских рынков. Справедливо полагая, что именно оттуда идут в Европу основные ценности, Зубов писал: «…торговля с Индией отколе Европа извлекает значительнейшую часть богатств своих, весьма удобовозможна для России... Лучшие индийские товары, даже драгоценные металлы и камни, привозимые на Оренбургскую линию, в Мангышлак и Астрабад подтверждают то очевидно. И так мне кажется, дабы усилить торговлю сию к чрезвычайным пользам России, стоит только правительству обратить на оную значительное влияние» [3, л. 15, 15 об.]. Основные усилия правительства, по мнению Зубова, должны были быть направлены на организацию альтернативного маршрута, в противовес уже существующему пути мимо мыса Доброй Надежды. В качестве вариантов он предлагал завершить начатый еще Петром I план по соединению Каспийского и Черного морей (далее через Средиземное море в Атлантику), и Каспийского и Балтийского моря, используя российские речные системы. Зубов был убежден, что реализовать этот грандиозный замысел «кроме российского государства никто совершить не в силах» [3, л. 4 об., 5].

Опираясь на неудачный опыт самостоятельных торговых экспедиций в отдаленные регионы Азии, граф рекомендовал использовать местный торговый люд как контрагентов российских промышленников и купцов. Наиболее перспективным было, по мнению Зубова, привлечь секту гебров, которая имела сильные позиции в Индии и крепкие связи с единоверцами на территории Закавказья. Поскольку в окрестностях Баку жили представители этой секты, то Зубов считал возможным сделать Баку «Меккой для индийцев» [3, л. 10 об.]. В определенной степени попытка использовать гебров была авантюрой. Даже к концу века они испытывали серьезные трудности во взаимоотношениях с шиитским населением Персии, хотя и сохраняли устойчивые связи с бомбейским купечеством [9, л. 16]. В частности. купцы (гебры) из Кермана никогда не имели связей с Астрабадской и Хорасанской провинциями, вследствие преследований со стороны местных фундаменталистов.

Необходимым условием успешного продвижения России в Азии, граф полагал захват опорных баз в Закавказье. Он надеялся, что такие базы будут сдерживать иностранное влияние и служить перевалочными складами для русских товаров. Наиболее перспективными Зубов считал Гяндж, Шушу, Нахичевань, Ереван. Во-вторых, он предлагал увеличить воинский контингент на границах Анатолии, на случай возможного военного конфликта с Портой. В-третьих, отстроить на границе новый город-крепость на 2000 солдат. При этом он рекомендовал переводить в новый гарнизон солдат вместе с семьями, желательно имевших родственников из грузин и армян. Такая колония могла служить российским интересам и при этом не вызывать негативной реакции со стороны местного населения. Залогом успеха российской деятельности в Закавказье могли стать, по его мнению, доверительные отношения с араратским патриархом [3, л. 12, 13].

Все вышеперечисленные мероприятия гарантировали безопасность Баку, с захватом которого появилась возможность организации транзита либо по пути Астрахань – Баку – Персидский залив – Индия, либо Астрахань – Баку – Астрабадский залив – Индия. И если перспектива сухопутного транзита по персидской территории до Индийского океана представлялась графу весьма туманной, то маршрут по шахским северо-восточным провинциям был вполне осуществим. Преимущество последнего объяснялось еще и тем обстоятельством, что «отсель, через провинцию Хорасан и Кандагар до пределов Индостана по удобной совершенно дороге считается около тысячи только верст…» [3, л. 16]. Принимались в расчет и сырьевые ресурсы прикаспийских земель.

В ближайшей перспективе Зубов рекомендовал отправить картографов, топографов и геодезистов в районы российских ин-

тересов для создания подробных маршрутов и анализа транспортных условий: от устья Амударьи, вверх по течению реки; от Астрабада до Хорасана и Кандагара; на восточный берег Каспийского моря. Особое место граф отводил полуострову Мангышлак, где в случае строительства крепости можно было организовать перевалочный пункт для торговли с Хивой и Бухарой [3, л. 17 об.].

Идеи, изложенные графом Зубовым, нашли своих сторонников в среде чиновников Коллегии иностранных дел. В апреле 1806 г. на имя Н. П. Румянцева поступили «Замечания бывшего в 1803 г. в Бухаре поручика Якова Гавердовского о торговле России с Бухарой». Торговая экспедиция, участие в которой принимал Я. Гавердовский, была послана в 1803 г. В задачу экспедиции входило заключение договора, дающего право российским купцам вести торговлю (включая транзитную) на всей территории ханства. Несмотря на провал официальной миссии, за время пребывания в Бухаре Гавердовскому удалось установить личные контакты с авторитетными представителями ханской администрации и базара. Когда в 1804 г. в Петербург прибыл бухарский посланец Мир Галаваддин Мир Мухаммет Аминов, то Гавердовский по личной инициативе счел нужным возобновить знакомство. Гавердовский сумел убедить ханского посла в необходимости поддерживать отношения, обмениваться текущей информацией как коммерческого, так и политического характера. Связь между дипломатами не прервалась и после отъезда Аминова на родину. Через бывшего переводчика миссии А. Тонкачева письма из Бухары регулярно поступали в Россию. Сам Гавердовский довольно откровенно оценивал цели такой переписки: «Намерение мое в сем случае было то, чтоб на случай каких-либо предприятий, к тамошнему краю относящихся, иметь в оном надежного руководителя и помощника…» [4, л. 1]. На основании полученных сведений и опыта непосредственного общения и был составлен документ, предложенный на рассмотрение правительства.

Вслед за В. Зубовым, Я. Гавердовский предлагал организовать сеть российских колоний, способных обеспечить нормальный торговый режим операций с хивинскими и бухарскими коммерсантами. Населенные представителями верных империи азиатских народов, такие поселения могли стать не только перевалочными и торгово-обменными пунктами, но и центрами по внедрению в туземные кустарные производства современных технологий. Повышение качества изготовляемой продукции было, по мнению Я. Гавердовского, залогом успешного сбыта этих товаров на европейских рынках. Кроме того, контроль над развитием и деятельностью таких колоний со стороны российского государства, позволял оживить пришедший в упадок за последние десятилетия транзит товаров из Кабула, Кашгара и Кашмира. При самых благоприятных условиях, такой транзит открывал перспективы установления торговых сношений с Тибетом. Реализация подобного плана позволяла России надеяться получать азиатские высоколиквидные товары, минуя европейских посредников. Еще один аспект развития товарообменных операций России и Бухары мог стать источником значительных дивидендов для отечественных деловых структур. Регулярное, хотя и не частое сообщение Бухарское ханство имело с китайскими коммерсантами. Попытки России собственными силами выйти на китайские рынки до этого времени заканчивались неудачно. Оживление караванного сообщения Бухары и Китая (обеспечение безопасности должна была взять на себя российская сторона) могло позволить империи стать источником уникальных и редких товаров, так высоко ценимых на европейских рынках [4, л. 2].

Представляет интерес некоммерческий аспект программы действий, изложенных в «Замечаниях…». Я. Гавердовский считал, что бухарцы, которые в течение всего XVIII столетия сталкивались с устремлениями шахского престола утвердить вассальную зависимость ханства от Персии, при незначительных усилиях со стороны империи могут стать действенными союзниками во многих начинаниях империи в Азии. Прежде всего при посредничестве Бухары, имевшей влия-

ние на прикаспийские туркменские племена, возможно организовать смуты на северных границах Персии, что, в свою очередь, отвлечет внимание шаха от событий в Грузии. Во-вторых, союзнические отношения с Бухарой позволят при любом конфликте с Высокой Портой сохранить лояльность и спокойствие в среде российских мусульман – киргизов, башкир и др. Не секрет, что именно с подачи бухарского хана, который нередко выступал как единомышленник турецкого султана, российские мусульмане в период военных конфликтов России и Порты поднимали внутренние мятежи против императорского правительства. Наконец, пришедший к власти новый хан Бухары – Мир Хайдар, – амбициозный и честолюбивый правитель, мог стать источником серьезных потрясений для русских поселений, включая один из основных опорных пунктов России – г. Уральск. Направить устремления Мир Хайдара в иное русло, по расчету Я. Гавердовского, было можно при условии установления с ним взаимовыгодных отношений. Под «иными устремлениями» он не исключал возможность использования ханских войск для разорения английских поселений и складов в Индии [4, л. 2 об.].

Помимо В. Зубова и Я. Гавердовского, в начале XIX в. схожий проект предложил граф И. Потоцкий. В 1806 г. граф подал 3 записки на имя императора о перспективах торговли России с Бухарой и о задачах империи в Азии [5, л. 1–15 об.].

В целом все вышеозначенные проекты нельзя назвать пустым прожектерством, они были реальны, хотя и трудно осуществимы. Наиболее объективно высказался на этот счет В. Зубов: «без пожертвований ни до чего не достигнешь» [3, л. 17 об.].

Однако втягивание империи в конфликт с Наполеоном на долгие годы привлекло внимание императора и дипломатов к сфере европейской политики. Даже война с Персией (1804–1813 гг.) стала рассматриваться через призму европейских проблем. Все масштабные проекты империи на Востоке были отложены. Единственное, что удалось воплотить в жизнь, – это начать в 1805 г. подготовку к строительству укреплений на Тюк-Караганском мысе Каспийского моря, и в устье реки Эмбы «для распространения торговли в Бухарии и Индии» [14, с. 49].

Без реальной поддержки государства восточные проекты были отданы на откуп частным лицам. И хотя случались отдельные успехи, можно констатировать почти полный застой в восточных делах, продолжавшийся до 1820-х гг. Так в 1808 г. группа купцов организовала отправку торговых караванов в Западный Китай, Тибет и Кашмир через Семипалатинск. Российским представителям даже удалось посетить ряд торговых центров, а купцы Рафаилов и Шаргилов достигли Кульджы, Аксу и Яркенда, где провели выгодные торговые операции [14, с. 52, 53].

Вернулись к созданию государственной программы в отношении восточных стран в 1819 г., когда по указу ГКИД был создан специальный Азиатский департамент. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде, определяя цели работы департамента, особо указывал на необходимость разработки программ развития торговых отношений с регионом [10, с. 39]. Кроме того, при канцелярии императора был создан Азиатский комитет, куда вошли особо доверенные лица. Возглавлял Комитет статс-секретарь императора – граф Каподистрия.

Новый проект строительства отношений с азиатскими государствами был предложен А. П. Ермоловым, бывшим в то время наместником на Кавказе. Его появлению предшествовала политическая миссии империи в Персию. Накануне отъезда Ермолову, как главе посольства, было рекомендовано оценить состояние дел соседнего государства, военные и экономические возможности, союзнические обязательства Персии по отношению к иностранным государствам. Главная цель миссии сводилась к заключению договора, юридически обязывающего шаха признать все территориальные приобретения России в Закавказье [2, л. 30, 31].

Опыт, который приобрел Ермолов во время исполнения своих обязанностей, изменил его точку зрения на перспективы российской политики. В предложениях, вынесен-

ных для обсуждения на заседание Азиатского комитета, Ермолов выдвинул новую цель. Вместо дальнейшего расширения влияния империи в Персии, он предложил учреждение «теснейших отношений с трухменцами» [1, л. 135]. 3 июля 1820 г. проект Ермолова рассматривался с участием всех заинтересованных лиц – статс-секретаря, министра финансов, министра торговли, министра иностранных дел. Предложения Ермолова были одобрены императором и получили статус государственной программы. (На полях стенограммы заседания Александр I написал «быть по сему»).

Любопытным в этой связи является не сам факт императорского участия в определении восточного курса империи, сколько факт одобрения предложений, далеких от «цивилизованных» методов строительства международных отношений. Легитимизм, предложенный Талейраном на Венском конгрессе как инструмент межгосударственного регулирования, был поддержан Александром I. Он выступал последовательным сторонником этого принципа на всех международных конференциях. Однако в восточной политике легитимизм сменился поистине восточным двуличием.

Прежде всего это касалось отношений с иомудскими старшинами. Ермолову вменялось в обязанность добиться установления с представителями этой туркменской ветви твердых и постоянных сношений «как дружественных, так и торговых, подобно тем, кои существуют с прочими независимыми народами» [1, л. 136]. Такая формулировка была следствием тех предложений, которые сделал российский император на конгрессе в Вене. Под «равенством народов» подразумевались государства как субъекты международного права и международных отношений. И хотя в Европе союз народов был заменен союзом императоров, иомудским старшинам был предложен именно такой «европейский», если так можно выразиться, стандарт. Это значительно повышало значимость российских предложений, ставило туркмен в один ряд с крупнейшими европейскими державами. При этом российская сторона должна была добиться подписания юридического договора («обличенный приличными формами»), который, с одной стороны, обяжет туркмен в дальнейшем соблюдать достигнутые договоренности под угрозой военного вмешательства, а с другой – будет служить «доказательством совершенного равенства выгод» [1, л. 136 об.]. Попытка заключить двустороннее соглашение с правительством земель, формально являющихся частью иностранного и суверенного государства, вполне очевидно демонстрировала отношение императорского двора к персидской власти и ее возможностям. Для более быстрого достижения поставленной цели правительство рекомендовало Ермолову использовать проверенный способ – подкуп старших и авторитетных лиц орды. Статистика таких подарков красноречива. В качестве жеста доброй воли для всего иомудского населения отправили хлеба на сумму 25 тыс. руб., в то время как знаки внимания для избранных обошлись казне империи в 10 тыс. руб. [1, л. 138, 138 об.].

Реализация «туркменского» замысла проходила на фоне официального признания Петербургом принца Аббаса Мирзы наследником шахского престола. Ситуация представляется любопытной в связи с тем фактом, что Аббас Мирза был одним из тех, кто настаивал на историческом праве Персии владеть туркменскими землями. Впоследствии, исполняя обязанности астрабадского наместника, он будет пытаться реализовать свои претензии при помощи России.

В остальных пунктах проект Ермолова преследовал цели, обозначенные еще в прошедший период – строительство укрепленного пункта на восточном берегу Каспийского моря, «которое признано будет удобным к установлению торга с туркменцами, и которое предоставило бы судам нашим безопасное и выгодное пристанище» [1, л. 137]; исследование Красноводского и Киндерлинского заливов на предмет природных ресурсов; строительство военной базы – крепости на 1000 человек, для защиты русских интересов в акватории юго-восточного Каспия [1, л. 137, 138 об.].

Осуществляться проект стал в том же году, когда в туркменские степи была отправлена вторая экспедиция Н. Н. Муравьева. В отчетах, отсылаемых в МИД, Муравьев подчеркивал, что владение этим краем даст не только значительные выгоды для российской торговли, но и дополнительный стимул для развития собственной российской промышленности [11, с. 234–240]. Муравьев полагал, что укрепление российских позиций в Хиве даст приток богатств со всего Среднего Востока в империю, а кроме того, ослабит влияние англичан как на местные власти, так и в Индии [12, с. 102, 103].

Параллельно мероприятиям, намеченным для кавказского командования, правительство решило провести дальнюю разведку в степи. В марте 1820 г. на заседании Азиатского комитета обсуждался проект организации исследовательской экспедиции доктора Эверсмана. Будучи иностранцем, доктор мог выступать на Востоке как независимый коммерсант и не вызывать подозрений о своей причастности к внешнеполитическому ведомству России.

Между тем задачи, стоявшие перед Эверсманом, были очень обширны. Их можно разделить на два комплекса. Первый – представлял сбор сведений об Азиатских ханствах. Правительство интересовали ресурсы, состояние войск и политической власти в Кокандском ханстве, включая «качества настоящего владельца» и отношение «сего государства к его соседям» [7, л. 11 об.]. Аналогичные сведения необходимо было собрать о Туркестане, Ташкенте и Бухаре. Особое внимание следовало уделить торговым связям Бухары и ее отношениям с соседями – Хивой, Афганистаном, Персией, включая настрой в обществе и правительстве к Высокой Порте. Эверсман должен был оценить личные достоинства Мир Гейдар хана, его наследника и министров, их расположение к России. Любопытной выглядит задача оценить «состояние евреев и вообще разных племен, обитающих в бухарских владениях» [7, л. 12]. Представляется, что это задание вытекало из опасений правительства столкнуться с проблемами социального характера в случае активного вмешательства России в бухарские дела. (Так было в Персии во времена действий экспедиционного корпуса. Именно местный торговый класс стал тогда противником политики русского командования по инкорпорации армянских деловых кругов в русское купечество и распространения на них торговых льгот, закрепленных Петербургским договором.) Помимо вышеозначенных задач, эмиссар должен был сделать подробный анализ главных азиатских рек (мели, судоходство, изменчивость русла) на предмет их возможного использования [7, л. 13]. В определенной степени это была попытка обновить сведения, почерпнутые из трудов греческих исследователей, и заметок, оставшихся со времен экспедиции А. Бековича.

Второй комплекс задач включал в себя исследования потенциальных торговых партнеров России. Сюда были включены Кабул, Кандагар, Пенджаб, Латак (в Тибете). Правительство интересовало подлинное положение обитающих там народов, их занятия, «особливо торговля, их внешние отношения дружественные и неприязненные». Имелись в виду отношения афганцев к Персии, Бухаре и Индии, Пенджаба к Англии (прежде всего к Ост-индской компании), Латака к Китаю, а кроме того, отношения белуджей и к персам и к афганцам [7, л. 13 об.]. По пути следования Эверсман обязан был посетить и бадагшанские рудники.

Обращает на себя внимание и рекомендация, не имеющая прямого отношения к сбору информации о регионе. Независимо от маршрута (его определял порученец, исходя из соображений личной безопасности), на всем пути Эверсман был обязан вести активную прорусскую агитацию, «распространяя повсюду… справедливое мнение о терпимости русского правительства, о покровительстве, которым пользуются в России торгующие чужестранцы, и о важных выгодах, кои наипаче азиатцы от торговли с нашим отечеством всегда с верностью получить могут» [7, л. 14, 14 об.].

В октябре 1820 г. в составе торговой миссии А. Ф. Негри Эверсману удалось до-

стичь реки Сююксу в 258,5 верстах от Оренбурга. Здесь произошла встреча с местным ханом Султан Абулгазы. Хан обещал проводить экспедицию и обеспечить безопасность каравана до реки Джан Дарьи [7, л. 26]. Уже первые шаги миссии принесли положительные результаты. На реке Узунь-Бурт Эверсман обнаружил запасы каменного угля [7, л. 27 об.].

Однако осуществить смелый проект не удалось. Причиной тому донос, сделанный бухарским властям, купцом Назарбаем Байкшиевым. Примечательно, что этот купец за вклад в развитие русско-бухарских торговых отношений был пожалован российским чином титулярного советника. Из доноса следовало, что «Эверсман путешествует не для торгу, а делаен быть подкуплен Россией, лазутчик…» [7, л. 35]. Отношение Байкшиева к российскому порученцу показательно. Местные торговцы, несмотря на заверения в неизменной дружбе и стремлении развивать взаимовыгодные торговые отношения, не хотели проникновения собственно российских предпринимателей на внутренние азиатские рынки. Они осознавали угрозу их монопольной посреднической роли в торговле с Китаем и Индией.

Ханские власти дали распоряжение умертвить доктора, как только тот достигнет границ Бухары. Приказ этот по чистой случайности попал в руки начальнику конвоя миссии – капитану Циолковскому, который и предупредил доктора. Вместо путешествия через Бухару в Кашмир, Эверсман принял решение вернуться в Оренбург, а оттуда сделать вторую попытку проникнуть вглубь Азии через Ташкент и Туркестан [7, л. 35 об.]. Однако и этот вариант потерпел крах.

Установить прочные связи с побережьем юго-восточной части Каспия удалось только в 1830-х гг. Туркманчайский мир 1828 г, предоставивший России исключительное право военного судоходства, позволил частично осуществить предложенные проекты.

В августе 1831 г. к восточным берегам Каспия была отправлена экспедиция чиновника Азиатского департамента Г. Карелина. Экспедицией была заложена крепость Новоалександровск. Крепость была возведена быстро, а самое главное не вызвала неприязни местных племен. Строительство приветствовали астраханские рыбопромышленники, готовые начать разработку лова и строить склады для обработки и хранения рыбы (магазейны) [6, л. 87].

Появление нового форпоста России в Закаспийском крае приветствовали и туркменские старшины, которые рассчитывали на получение материальной и военной помощи в борьбе с персидскими и бухарскими притязаниями на их независимость. Дело в том, что персидские власти считали неоспоримым свое владение землями по берегам Каспийского моря вплоть до реки Атрек. Сами туркмены настаивали на свободе от персидской зависимости, ограничивая шахские земли рекой Кара-су [8, л. 132 об.]. В определенной степени надежды туркмен оправдались. С 1829 г. ассортимент товаров, доставляемых из России, существенно расширился. Помимо хлеба, традиционно составлявшего основную статью русского ввоза на Каспийской берег, стали ввозить товары широкого потребления, материалы для расширения рыбных промыслов (сети, соль, бочки, инструменты и т. п.), а также порох, ружья, лодки и снасти к ним, и предметы, «способствующие им производить морские разбои и наносить вред Персии» [8, л. 120]. Эта оживленная торговля велась вплоть до 1841 г., позволяя России иметь в среде прикаспийских племен устойчивое влияние и авторитет. Конечно, установление связей империи с туркменами негативно воспринималось персидскими властями, видевшими в такой политике двуличие и предательство статей Туркманчайского договора.

Претензии персиян, как правило, не мешали русским дипломатам укреплять отношения с влиятельными лицами из среды туркменских старшин. Так, за оказание помощи Карелину старшины Ярмамет бек Кутлуфулатов, Акмамет бек Бердыбакиев, Халмамет бек Ильдурдибеков, Халмамет бек Байназаров были пожалованы орденами на аннинских лентах и оружием из личной коллекции императора [6, л. 26]. Получили на-

грады и денежные премии все участники экспедиции, включая местных проводников, табунщиков и носильщиков.

В 1836 г. после очередного потока жалоб персидского двора на развитие русско-туркменских отношений, российский МИД провел хитрую комбинацию с использованием прикаспийских племен. Главным «архитектором» проекта выступил министр финансов Канкрин. Спор разразился между астраханским рыбопромышленником Герасимовым и подданным Персии, купцом астраханского персидского двора Мир Абуталиб Мир Багировым. Предметом спора стало право на разработку рыбных промыслов, полученное Герасимовым от местных ханов. По рекомендации министерства, глава российской миссии в Тегеране – И. О. Симонич, огласил позицию империи в вопросе принадлежности туркменских земель. Он заявил, что императорское правительство решило признать как шахские земли все владения, лежащие от реки Атрека до реки Гурген. Соответствующую инструкцию 25 июля 1837 г. получил начальник Астраханского порта – контр-адмирал Геллинг [8, л. 52]. Аналогичную рекомендацию (считать всю Туркмению достоянием Персии) прислали астраханским гражданским властям и приказали довести до сведения всех местных купцов, «чтобы никто не осмеливался входить в сношение с Туркменами по рыболовству, не испросив на то предварительного позволения от Астрабадского правителя» [8, л. 9].

Подобный шаг вызвал недоумение в астраханских деловых кругах. Помимо прямых убытков, которые нес Герасимов от разрыва контракта, а это почти 500 тыс. руб., создавался негативный прецедент для прочих отечественных предпринимателей. Договор был заключен со старшиной Кият беком и одобрен всем его родом. В Астрахани не сомневались, что договор с независимым туркменским родом не может быть пересмотрен в связи с претензиями астрабадского наместника. Чтобы избежать ненужных имущественных тяжб, Герасимов предлагал разделить промыслы на части, и оставить за собой только часть берега – севернее реки Атрек (от Белого Бугра (Ак-куфе) до входа в Астрабадский залив), т. е. отодвинуть границу промысла на 18 верст от персидских вод [8, л. 9. 10 об.]. Однако министерство отвергло это предложение. Интересы Герасимова были принесены в жертву государственным планам по укреплению русского влияния в регионе Астрабадского залива.

Реакцию туркмен на заявления персидских чинов было не сложно предугадать. Набеги на персидские поселения и промыслы стали повседневной реальностью. Для борьбы с пиратством персидское правительство обратилось с просьбой к императору прислать в район Астрабада 2 русских военных крейсера. Хотя в манифесте, озвученном в связи с формированием эскадры, обозначена достойная цель – «дабы содействовать персианам в усмирении подданных сей державы» [8, л. 51], понятно, что появление русских кораблей в акватории юго-восточного Каспия и было воплощением главного замысла. Это становится особенно очевидным из инструкций, данных непосредственно командующим кораблей. Первым в Астрабадский залив прибыл бриг «АРАКС» под командой капитан-лейтенанта Фофонова [8, л. 120]. (В дальнейшем число судов было доведено до трех.) В инструкции особо подчеркивалась главная задача – защищать наших рыбопромышленников, а не карать туркменских налетчиков. В донесениях Фофонов отмечал, что пассивное поведение корабля было воспринято местным населением как своеобразное поощрение их деятельности. Он писал: «Приписывая милосердное снисхождение российского правительства, туркмены продолжали производить насилия в виду нашего брига…» [8, л. 121].

Еще белее откровенно высказался вице-канцлер в инструкции от 30 декабря 1841 г. новому командиру флотилии – капитану 1-го ранга Е. Путятину. Вице-канцлер отмечал факт формальной зависимости туркмен от персидских властей, и подчеркивал, что на протяжении десятилетий они не «имели почти никаких законных властей в смысле государственного управления». Напротив, в течение последних 40 лет туркмены, особенно

иомуды, неоднократно прибегали к поиску российской помощи «чрез посланцев своих с убедительными ходатайствами о принятии их в подданство империи» [8, л. 117 об.]. Предполагая, что просьба российского подданства есть следствие поиска надежной защиты от притеснений со стороны хивинского ханства и Персии, тем не менее канцлер рекомендовал учитывать это обстоятельство при выработке собственной линии поведения. Он писал: «эти просьбы не могли сообразоваться ни с политическими видами, ни с прямыми пользами правительства нашего, а потому оне всегда оставляемы были без решительного ответа. Мы старались, однако же, не отнимать вовсе у туркмен надежды на покровительство…, ибо выгоды нашей торговли, стремящейся к открытию себе город Астрабад и окрестности, прибыльного сбыта отечественных произведений, указывают на необходимость, чтобы прибрежные жители состояли под нравственным влиянием России» [8, л. 118, 118 об.].

Это «нравственное влияние» на деле выливалось в сдержанные реакции флота на события, разворачивающиеся в пограничных областях. В секретных статьях инструкции Путятину рекомендовали не вмешиваться в территориальные споры [8, л. 133]. Поскольку астрабадский наместник не обладал в регионе ни эффективным управленческим аппаратом, ни достаточной боеспособной армией для решительного утверждения своей власти над туркменами, МИД считал возможным и дальше уклоняться от реальной помощи персам в этом вопросе. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что из Тегерана пришли тревожные сведения о намерении персидского правительства организовать военный поход в туркменские степи. Канцлер подчеркивал, «…считаю необходимым предварить Вас, что трактаты наши отнюдь не обязывают нас содействовать подобному предприятию» [8, л. 134]. Напротив, в инструкции подчеркивалась реальная цель командировки Путятина, а именно – «собрать разные сведения, которые могут быть полезны и собственно для службы Его императорского Величества…» [8, л. 127].

Таким образом, к началу 1840-х гг. инициативы отдельных торговых представителей, чиновников МИД и влиятельных лиц императорского двора стали складываться в определенную внешнеполитическую стратегию государства. Конечно, это еще не была целостная концепция азиатской политики России, но мероприятия, воплощенные в жизнь, и методы реализации политических проектов, апробированные в эти годы, заложили фундамент для ее формирования. Укрепление России в акватории юго-восточного Каспия стало первым шагом на пути превращения Персии в плацдарм военно-экономической экспансии, а азиатских ханств в объект этой экспансии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 161. I-1. Оп. 22. Д. 8.
2. АВПРИ. Ф. 161. I-7. Оп. 5. Д. 1. 1816. П. 13.
3. АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 34. Д. 7. 1803.
4. АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 34. Д. 8. 1803–1806.
5. АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 34. Д. 3. 1806.
6. АВПРИ. Ф. 161. II-21. Оп. 66. Д. 1. 1833–1835.
7. АВПРИ. Ф. 161. II-21. Оп. 66. Д. 2. 1820–1821.
8. АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 168.
9. АВПРИ. Ф. 194. Оп. 3. Д. 471.
10. *Бутенев А. П.* Воспоминания А. П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 15–72.
11. *Муравьев Н. Н.* Записки Муравьева-Карского 1819–1820 и 1821 гг. // Русский архив. 1885. № 1–3. С. 108–260.
12. *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. СПб., 1822. Ч. 2.
13. Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ). Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25.
14. *Соловьев О. Ф.* Из истории русско-индийских связей. М., 1958. 97 с.

REFERENCES

1. Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii (AVPRI). F. 161. I-1. Op. 22. D. 8.
2. AVPRI. F. 161. I-7. Op. 5. D. 1. 1816. P. 13.
3. AVPRI. F. 161. II-3. Op. 34. D. 7. 1803.
4. AVPRI. F. 161. II-3. Op. 34. D. 8. 1803–1806.
5. AVPRI. F. 161. II-3. Op. 34. D. 3. 1806.
6. AVPRI. F. 161. II-21. Op. 66. D. 1. 1833–1835.
7. AVPRI. F. 161. II-21. Op. 66. D. 2. 1820–1821.
8. AVPRI. F. 194. Op. 1. D. 168.
9. AVPRI. F. 194. Op. 3. D. 471.
10. *Butenev A. P.* Vospominaniya A. P. Buteneva // Russkiy arkhiv. 1881. Kn. 3. S. 15–72.
11. *Murav'yev N. N.* Zapiski Murav'yova-Karskogo 1819–1820 i 1821 gg. // Russkiy arkhiv. 1885. N 1–3. S. 108–260.
12. *Murav'yev N. N.* Puteshestviye v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh. SPb., 1822. Ch. 2.
13. Rossiyskiy Gosudarstvenny Arkhiv Ekonomiki (RGAE). F. 7590. Op. 3. D. 25.
14. *Solov'yov O. F.* Iz istorii russko-indiyskikh svyazey. M., 1958. 97 s.